

Сердце, открытое для всего в мире

Год назад, 4 мая 2015 года ушёл из жизни выдающийся деятель литературы, писатель-краевед, основатель литературного краеведения в Башкортостане, «разведчик литературы», как назвал его писатель Суфиян Сафуанов, известный педагог Мурат Галимович Рахимкулов.

Новая дата

Словно вернувшаяся по весне и высидевшая на родном озере птенцов утка, май всегда приводит за собой целый выводок праздников. Не только те два основных, благодаря которым вся первая декада для многих превращается в сплошной торжественный выходной. Иногда на первые числа выпадает и Пасха.

В нашей семье май приносит с собой ещё и день рождения деда. На самом деле он родился 30 апреля, но в моём сознании этот день всё равно неразрывно связан с праздничными майскими, которые с него же и начинались. Тем более, что и отмечать его день рождения зачастую как-то было принято уже первого числа.

Год назад в моём мае почти в аккурат между праздниками весны и труда и Днём Победы появилась ещё одна дата. Точно не праздничная, но... памятная.

Я не верю в магию чисел, но на примере ушедших родных и знакомых не раз убеждался, что даты прихода человека в наш мир и ухода из него часто оказываются близки друг к другу. Мистики считают, что, чем меньше промежуток между этими датами, тем плотнее приблизился человек к выполнению своего

Мурат Галимович Рахимкулов

предназначения на земле. В идеале они должны бы совпадать. Я не мистик, но в случае с дедом соглашусь с ними. Уж он-то точно сумел реализовать то, что было заложено в него свыше при рождении.

Он... вообще ничего не видел. Уже несколько лет. Хотя и в лучшие свои годы имел очень слабое зрение.

Я поражался колоссальным возможностям его мозга. Имея плохое зрение, он стремился всё сохранять в памяти. Обычно редко кто в таком возрасте сохраняет ясность мысли. Он годами не имел никакой связи с внешним миром, кроме слуха. Но я не воспринимал его как старого человека. Потому что старый человек — это что-то немощное, слабо соображающее, путающееся в мыслях, с плохой памятью, оторванное от событий в мире. А если человек ведёт с вами беседы о литературе и истории, отрывками в десятки и сотни строк цитирует Маяковского и Пушкина, философски рассуждает о современной экономической и политической обстановке в стране... он не может быть старым.

Да, дед иногда «увлекался», мог часами говорить на одну и ту же тему, я улыбался, зная, что он всё равно не видит этой улыбки, но тут же задумывался: «А если бы мне было почти 90 лет, если бы я жил в полной темноте, каким бы я был? Как бы выглядел для окружающих? Сумел бы сохранить такую ясность разума, как дед?» И сомнения не позволяли дать своей собственной совести положительный ответ.

Зигзаги жизни

Каким же он был в моём представлении?

Во-первых, человеком, несомненно, выдающимся. Может быть, он рисовался мне даже большей вершиной, чем был на самом деле для других. Но это же мой дед. Каждому свойственно думать, что его предки — самые-самые.

О том, что мой дед писатель (слова «краевед» и «литературовед» в ту пору были выше способностей моего разума), мне было известно с детства. Об этом я знал задолго до того, как узнал его самого. И в глубине души я очень гордился этим обстоятельством, хотя никогда и не выпячивал его. Вообще я помню лишь один случай из детства, когда закричал окружающим о том, кто мой дед.

Было это в... впрочем, не важно, в каком году и классе. Учительница каллиграфическим почерком вывела на доске какую-то красивую и очень заумную фразу и велела нам её записать. Фраза была о Пушкине. А может быть, и о Толстом. Но это тоже не столь важно. Гораздо важнее, что после этой цитаты учительница написала имя человека, который так мудро высказался о классике: Мурат Рахимкулов.

Знакомая фамилия тут же во время урока стала поводом для многочисленных насмешек в мой адрес, мол, не ты ли сказанул это в прошлой жизни и прочее. Ну, а потом пошли склонять автора цитаты и меня заодно, во всех склонениях, падежах и с применением всех обстоятельств образа действия...

С учётом того, что я вообще рос и учился в очень благожелательной и дисциплинированной обстановке, обижаться на подобную ерунду было просто глупо. Но речь в данном случае шла не обо мне, а о моём деде, и поэтому я всё-таки

обиделся, а может быть, и разозлился и сказал, что ничего смешного тут нет, что сказано очень даже хорошо, и что вообще-то это сказал мой дедушка, который очень уважаемый человек.

Возможно, тогда был один из тех случаев, о которых народная мудрость гласит: молчание — золото. Но я всегда набивал шишки в своём стремлении отстоять правду. Ничего хорошего из этого, разумеется, не вышло. Мне никто не поверил, в том числе и учительница (при том, что, я уверен, она знала, кто такой дед). Смеяться надо мной стали ещё больше и дразнили в связи с цитатой деда примерно ещё неделю, пока не наскучило и классу не подвернулся новый случай поиздеваться над кем-то другим.

Возможно, у кого-то этот малоприятный эпизод из моего детства вызовет улыбку, но мне тогда было не до смеха. Я ещё долго обижался на одноклассников за деда. Может быть, зря. Может быть, надо было отнестись к ситуации с юмором. Говорят, он помогает жить. Дед, кстати, хорошо это знал и ценил юмор. От некоторых его учеников я слышал, что в их студенческие годы он запомнился им человеком серьёзным, требовательным, отчасти даже суровым и бескомпромиссным. От тех, кто общался с ним ближе, я не раз слышал формулировки: душевный, восприимчивый к чужой беде... Мне он больше запомнился ходячей энциклопедией, где есть всё обо всём, а ещё этаким балагуром и весельчаком, у которого в запасе миллион баек (в основном на литературные и университетские темы, конечно).

Пошутить он любил. С чем с чем, а с чувством юмора у него всё было в порядке. Знал уйму анекдотов, но самые любимые среди них почему-то были анекдоты про евреев, которых он очень уважал...

Приезжая в какой-нибудь санаторий, он первым делом обычно спрашивал на вахте: «Бар бар»? Шутку обычно ценили, улыбались и указывали, что бар, мол, направо (налево) по коридору. Если, разумеется, санаторий был башкирским, и если бар в нём на самом деле имелся.

Любил, как ни странно, когда был помоложе, рыбалку. Не результат, разумеется, а именно сам процесс. О том, что он поймал, пусть даже когда-нибудь полвека назад, очень уж крупную рыбу, я не слышал. Впрочем, возможно, мне просто никто об этом не рассказывал.

Человек он был очень крепкий. Даже в детстве и в старости. О том, как юношей во время войны он, работая на моторостроительном заводе (нынешнем «УМПО»), в одиночку поднял деталь весом в 160 килограммов, в результате чего и загубил зрение, сохранив на всю последующую жизнь лишь очень небольшой его процент, знают многие коллеги деда. Тогда у него лопнул кровеносный сосуд в одном глазу, воспалительный процесс захватил оба глаза. Мне же припоминается и другой пример его силы уже в преклонном возрасте. Мы семьёй навестили его в санатории, где он поправлял здоровье. Он предложил покататься на лодке. Я уверенно занял место на вёслах, но он меня тут же отстранил: «Грести буду я». И грёб против течения, легко, быстро, долго, так, что и Фёдор Конюхов бы ему позавидовал. Казалось, он какой-то робот и никогда не устаёт. Деду в ту пору стукнуло уже 74, и я никак не ожидал от него такой прыти и мощи. Вот что значит закалка на оборонном заводе военных лет!

Поздний старт

В 1999 году я желторотым первокурсником пришёл на филологический факультет Башгосуниверситета. Среди многих других моих замечательных учителей оказалась и диалектолог всероссийской величины Зоя Петровна Здобнова. Обнаружив в списке студентов знакомую фамилию, она осведомилась о моём возможном родстве с Муратом Галимовичем. Когда я подтвердил её предположения, она стала рассказывать о том, какой выдающийся и прекрасный человек мой дед. В числе прочего она сказала примерно так: «А ведь он, помимо всего, мой студент. Вот как причудливо складывается порой судьба. Когда-то я учила деда, а теперь учу внука».

Я удивился. На вид ей было примерно столько же лет, как и деду, а позже узнал, что она даже на год моложе его. И он её студент? Как-то с трудом такое укладывалось в голове.

На самом же деле ничего удивительного нет. Просто у всех людей разные стартовые позиции. Дед очень поздно начал. Из-за войны вынужден был оставить школу. Институт сумел окончить лишь в тридцать лет. Пожалуй, только трудности, болезни и лишения пришли к нему рано, а всё остальное — с большим запозданием, либо не пришло вовсе — уплыло сквозь пальцы, как например, аспирантура в МГУ, куда путь сыну «врага народа» был закрыт, или профессорская должность, к которой он, впрочем, и не особо стремился.

Так что ничего удивительного нет в том, что тридцатилетний Мурат Рахимкулов учился у Зои Здобновой, которой в ту пору было двадцать девять. Война и репрессии сталинской эпохи внесли серьёзные коррективы в судьбы многих людей. Кто-то смог своевременно отучиться и преподавал в вузе. Кто-то вместо этого, как дед, стоял у станка. Кто-то воевал. Кто-то вообще не вернулся с фронта...

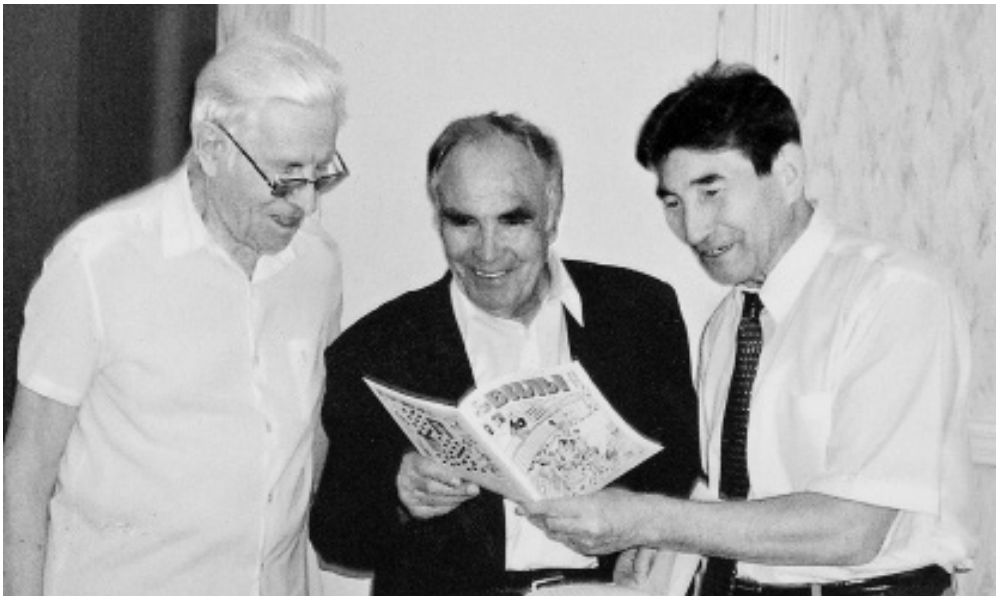
Мурат Рахимкулов (крайний справа в верхнем ряду) с учебной группой. 1954 г.

В период войны дед лишился отца. Плюс почти лишился зрения, сохранив лишь небольшую его часть. Будучи студентом, выделялся в толпе сокурсников, словно переросток-утёнок из андерсеновской сказки среди своих братьев на птичьем дворе. Уже подоспело новое поколение, у которого была возможность более-менее своевременно окончить школу и поступить в институт. Этим, очевидно, объясняется и тот факт, что среди друзей и коллег деда, с которыми он сохранил близкие отношения на всю жизнь, многие моложе его лет на десять — знакомства эти завязывались ещё в студенчестве. Вот, например, Народный поэт Республики Башкортостан Александр Филиппов. Тоже друг и сокурсник деда. Дружба, зародившаяся меж ними в студенческом литературном кружке, продолжалась шестьдесят лет. Беседуя со мной, дед часто любил говорить о кружке своей молодости, которым в ту пору руководил талантливый педагог Василий Гредель, и который дед сам впоследствии взял под свою опеку. Он всегда с теплом вспоминал своих друзей-кружковцев — не только Филиппова, но и Марсея Гафурова, Рамиля Хакимова, Юрия Поройкова, Ромэна Назирова. Рассказывая о жизни их кружка, когда он сам был то ли на первом, то ли на втором курсе, дед нередко с юмором вспоминал такой эпизод: «Сашка Филиппов ходил среди нас довольный и гордый, как павлин. Ему ещё не было и двадцати, а его стихи напечатали в «Ленинце». А нас остальных больше никого тогда не напечатали...»

Несмотря на очень поздний старт, дед успел в итоге сделать многое. Он стал настоящим первопроходцем в литературном краеведении Башкортостана, подготовил, выпустил, а впоследствии и переиздал многотомную антологию «Башкирия в русской литературе», которую давно уже окрестили в литературных кругах «энциклопедией дружбы», дал жизнь серии «Золотые родники», в которой вышло 37 томов произведений русских писателей о Башкирии, написал множество монографий, научно-познавательных книг: «Страницы дружбы», «Цветущий край,

М.Г.Рахимкулов с друзьями Александром Филипповым и Марселем Салимовым

благословенный», «Встречи с Башкирией», «Любовь моя — Башкирия», «Народной мудрости родник», «От Пушкина до Толстого» и ещё десятка три других. Много у него и иных достижений.

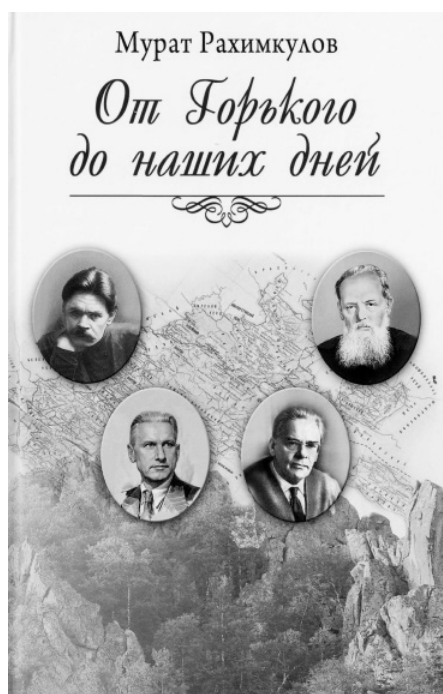
Мне часто приходит в голову мысль: а сколько бы он успел, если бы начал, как все, лет на десять раньше? Сколько бы смог сделать, если бы не имел тех проблем со зрением, которые выпали на его долю? Ведь глаза для писателя — главный инструмент после самого мозга. Очевидно, он и сам ощущал эту катастрофическую нехватку времени из-за позднего старта и проблем со здоровьем. Вот как он писал в 1990-е о том моменте, когда в 1957 году в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР ему в связи с 400-летием добровольного вхождения Башкирии в состав Русского государства предложили взяться за разработку совершенно нового для

республики направления — литературного краеведения: «Тогда я, конечно, не предполагал, что предложенная в академическом институте тема — «Русские писатели о Башкирии» — станет моей научной и творческой судьбой: её я исследую уже сорок лет и хорошо понимаю, что моей жизни не хватит, чтобы поставить все точки над «i».

Из-за этого же чувства нехватки времени, незавершённости начатых дел и стремления принести родному краю как можно больше пользы, он отказался писать докторскую. Потому что диссертация — это самоутверждение. А у него были дела поважнее: «После раннего инфаркта я медленно возвращался к прежней активной жизни, но дал себе зарок докторской диссертации не писать: жизнь слишком коротка, и надо постараться сделать то, что кроме меня никто не сделает».

Он и из университета-то ушёл во многом ради того, чтобы целиком погрузиться в профессиональную писательскую работу и максимально успеть завершить своё литературно-краеведческое дело. Многие долго ещё удивлялись этому неожиданно раннему уходу на «вольные хлеба». Точно так же многие удивлялись тому, что учёный такого масштаба — не доктор наук и не профессор.

Стартовав позже многих других, он отрабатывал свою «марафонскую дистанцию» до последнего. Писал новые, редактировал и переиздавал выпущенные ранее труды до тех пор, пока глаза сохраняли хоть какую-то тончайшую нить для связи его внутреннего мира с миром внешним. И даже когда последний луч света в этих глазах угас, он не торопился окончательно «списывать» себя: обращаясь к бесценным архивам, хранящимся на полках его собственной памяти, консультировал своих учеников, многие из которых давно уже стали профессорами, а иногда

и надиктовывал какие-нибудь статьи. Его последняя серьёзная монография «От Горького до наших дней» вышла в «Китапе» в 2013 году. Подготовить эту книгу он ещё успел, а вот перечитать её самостоятельно уже не смог...

Справедливости ради надо сказать, что присущие ему стойкость, высокая работоспособность и творческая плодовитость — не только его собственная заслуга. За плечами любого по-настоящему успешного мужчины обычно стоит женщина. Как он сам часто признавался, если бы не поддержка его супруги, Веры Михайловны, дед, возможно, никогда бы не стал тем, кем он стал в итоге. Она делала всё для того, чтобы он имел возможность работать, всячески поддерживала его, была его главной опорой в жизни. Дед так и говорил: «Вера — мои глаза!»

За что я ему благодарен...

Есть несколько вещей, за которые я деду очень признателен, и которые не забуду до тех пор, пока не уйду вслед за ним.

Первая такая вещь — глобус. Они с Верой Михайловной подарили мне его на Пасху, когда я учился в классе примерно шестом. Глобус этот так активно и долго эксплуатировался, что кожа на лице планеты со временем выгорела, пожелтела, покрылась многочисленными морщинами и пятнами. Но зато с географией у меня всегда было... как у Пушкина с четырёхстопным ямбом. И за это я деду благодарен.

Второе, за что я ему признателен — это люди. Дед (где-то лично, где-то косвенно, просто силой своей фамилии) познакомил меня с огромным числом удивительных людей. Большинство из них живут в моём родном городе и, так или иначе, соприкасаются с литературой. Это писатели, философы, литературоведы, библиотекари, издатели, журналисты, учителя. Не буду никого называть по именам, чтобы ненароком не обидеть тех, кого вдруг забуду перечислить. Благодаря деду я когда-то встретил очень благожелательное (в абсолютном большинстве случаев) отношение к себе в университете, где дед когда-то работал.

И третий главный подарок деда, который я берегу и обязательно передам потомкам — это книга. Не те многочисленные тома, которые выходили из-под его пера и хорошо известны в соответствующих кругах, а тонюсенькая брошюрка, о которой мало кто знает, но которая лично для меня дороже всех его монументальных трудов. О ней я хочу сказать чуть подробнее.

Дело всей жизни

Вот очень интересный и спорный вопрос. Что же для него было делом всей жизни? К чему он стремился долгие годы, и что сам в глубине души считал основным своим достижением? Коллеги и преемники его дела наверняка назовут в первую очередь антологию «Башкирия в русской литературе». Кто-то, возможно, припомнит инициированную дедом серию «Золотые родники». Да и вообще выбор велик — десятки книг и учебных пособий, сотни краеведческих и литературоведческих исследований, целая армия достойных своего учителя учеников.

На мой же взгляд, насколько я успел изучить его за сравнительно недолгий период нашего общения, настоящее дело всей его жизни было связано вовсе не с литературой и не с краеведением. Не могу утверждать, но не исключено, что именно незавершённость этого дела питала его творческую жилу, придавала сил и энергии для дел других. Дело это было связано с поиском правды, с воскрешением справедливости и доброго имени своего отца.

Трагическая судьба прадеда с юных лет наложила отпечаток на всю дальнейшую биографию деда. Полвека он, с его собственных слов, «мучился тревожным, тоскливым желанием узнать правду». И лишь в старости сумел распутать клубок несправедливостей по отношению к своей семье.

Прадед обшивал первых лиц республики и их жён, шил исторические шапки башкирского народа для Башгосакадемтеатра. Именно он сшил в декабре 1923 года шапку к национальному башкирскому костюму, который преподнесли Михаилу Калинину во время его второго визита в Уфу. И именно мой прадед изготовил в 1936 году башкирские национальные шапки для подарков Иосифу Сталину и Клименту Ворошилову. Созданный им покрой башкирской шапки выбрал для своего коллектива знаменитый хореограф Файзи Гаскаров, основатель прославленного ансамбля народного танца.

Ремесло своё прадед, когда ему было всего девять лет, перенял от своего отца, а тот — от более ранних предков. Тяжёлое материальное положение семьи не дало ему возможности учиться, и он на всю жизнь остался неграмотным, не умел даже читать. Работая по 14 часов в день, он, что в дореволюционный период, что в годы советской власти, еле сводил концы с концами. Трудился то скорняком-одиночкой, то в государственных промартелях. В начале войны во главе группы уфимских скорняков шил шапки для фронта.

Можно предположить, что именно высокое мастерство прадеда и те самые шапки для Сталина, Калинина и Ворошилова стали причиной зависти со стороны тех, кто таких успехов в своём ремесле не достиг. А зависть в свою очередь стала причиной доноса и сфабрикованного дела. Прадеда арестовали в ночь с 13 на 14 апреля 1942 года, предъявив фантастическое обвинение в «групповой антисоветской деятельности, распространении листовок». Показательно (и это было бы даже смешно, если бы происходило не в жизни, а в кинокомедии), что понятым при обыске был немец по фамилии Диц. Это во время-то войны с Германией! И хотя обыск «никаких доказательств о преступной деятельности подозреваемого» не дал, это, как вы понимаете, в то время не имело никакого значения. 10 октября того же года прадеда приговорили к расстрелу по нескольким пунктам той самой 58-й статьи, которую по косточкам разобрал в лучшей своей книге Солженицын. С приведением в исполнение долго не затягивали... расстреляли 28 октября. Прадеду на тот момент было 54 года.

«Оставление на свободе моего отца, особо опасного преступника, представляло, очевидно, серьёзную угрозу для советского строя, поскольку он, неграмотный, писал и распространял антисоветские листовки! Абсурд! Нонсенс!» — справедливо отметил в своё время дед.

Жизнь деда после расстрела его отца можно разделить на два периода. До 1957 года он жил с анкетами с литерой «ЧСВН» — «член семьи врага народа». Студентом то и дело опасался, что его отчислят. А когда после окончания

пединститута имени К.А.Тимирязева ректор Шайхулла Чанбарисов уговаривал его ехать учиться в аспирантуру в Москву, вынужден был отказаться, хотя и очень хотел. «Тогда ректор, очевидно, не знал, что я сын «врага народа», но я-то понимал, что это — дело дохлое (были прецеденты)...» — так спустя 40 лет дед напишет про тот момент. Он знал, что не пройдёт по анкетным данным, и уехал работать учителем в школу в Чекмагушевский район.

В феврале 1957 года прадеда реабилитировали. Пришла справка о том, что дело прекращено за отсутствием состава преступления. «И ни слова о том, что безвинный расстрелян! Да и вообще, как можно простить невиновного?... А как возместить моральный ущерб от тех пятнадцати лет, что мы были детьми «врага народа»? Однако надо отдать властям должное: в связи с реабилитацией отца моей маме за безвинно погубленного мужа была назначена пожизненная пенсия в размере 15 рублей в месяц. И мы, дети, наконец, через 15 лет, стали полноценными людьми...», — напишет позднее дед. Только тогда, кстати, у него появилась возможность вернуться в Уфу и заняться наукой.

Но даже после реабилитации правду о расстреле прадеда соответствующие органы скрыли. По официальной версии он после ареста 13 апреля 1942 года (а с той ночи родные его больше никогда не видели) находился якобы в местах заключения. И его бы даже выпустили, поскольку к расстрелу не приговаривали, а всего-то осудили на 10 лет без права переписки. И он бы обнял ещё жену и детей. Только вот незадача... за несколько месяцев до окончания срока скончался он в лагере 20 июля 1951 года от «острой сердечно-сосудистой недостаточности». И дед, как и вся семья, вынужден был поверить в эту сказку. «Я, доверчивый и наивный, поверил тогда этой лжи, состряпанной очень высокими инстанциями, и мне подумалось: очевидно, отец обшивал лагерное начальство и поэтому, несмотря на слабое здоровье, смог прожить в неволе целых девять лет. Какой сладостный самообман! Теперь-то я знаю, что «10 лет без права переписки» в ту пору означали расстрел», — напишет позднее дед.

Стремление докопаться до истины и восстановить доброе имя отца терзало деда полвека: «Желание узнать правду об отце было гораздо сильнее, мучительнее, чем возможные неприятности; я не мог отмахнуться от назойливой мысли: если не я, то — кто? Для успокоения совести, для очистки совести безвинно замученного отца, для нас, его детей, для его брата, для наших детей и внуков — это надо: совесть наших предков, родителей, совесть родных и близких должна быть чиста. Так что правда о моём отце нужна всем нам. И не только родным и близким отца: немало есть аналогичных судеб, и нынешнее поколение должно знать это, знать хотя бы для того, чтобы не было лженостальгии по прошлому».

Вот эта-то борьба за правду и была, на мой взгляд, главным делом деда за всю его жизнь. Но реальная возможность эту самую правду узнать самому и донести до других появилась лишь в начале 1990-х. Только тогда, и то лишь с помощью влиятельных друзей и учеников, дед получил доступ к архивам соответствующего ведомства и смог полистать папку сфабрикованного «Дела №764».

Результатом его работы в архивах и многолетних поисков правды стала вышедшая в 1997 году не очень объёмная книга «Зигзаги жизни». Та самая, о которой я намекал выше и за которую очень признателен деду. Её общая значимость — в отражении уродливой изнанки политической и общественной системы той страны, в которой мы родились, и в которой жили всего-то четверть века назад. Эта её ценность, может быть, и не столь уж велика, поскольку, надо признать, что обращались к данной теме многие и до деда, и обрабатывали её как в художественной литературе, так и в публицистике намного глубже. Но есть у этой книжки ещё и частная значимость, которая для меня гораздо важнее и без преувеличения уникальна. Существенная часть «Зигзагов жизни» — это история моих предков за несколько поколений, начиная с середины 19-го столетия. История эта местами тяжёлая и трагическая, местами такая, что ею по праву можно гордиться. И если бы дед не собрал эту историю по крупицам из документов, из бесед с давно ушедшими из жизни родственниками, из своей собственной памяти, я бы её никогда не узнал.

В «Зигзагах жизни» дед не только поведал о том, как восстанавливал доброе имя своего отца, но и сказал несколько слов поперек недавнему на тот момент режиму. Прошёлся по «сухому» закону и некоторым другим «гримасам перестройки», раскрыл правду о случаях фальсификации истории в советской печати. В частности, рассказал о любопытном эпизоде с подготовкой в 1982 году нескольких книг об Александре Фадееве, приуроченных к 50-летию юбилею его пребывания в Уфе. Под давлением руководства обкома партии и товарищей из силового ведомства деду самому тогда пришлось участвовать в этой фальсификации. Это противоречило его моральным принципам, и он по своей наивности пытался переубедить тех, кто давил на него, но, сами понимаете, это было нереально...

Чтобы у людей не сложилось неправильного представления о статьях и мемуарах деда, подобных тем, что собраны в «Зигзагах жизни», подчеркну, что он, конечно же, никогда и ни в коем случае не был диссидентом. Он всегда придерживался, так сказать, «верного курса», но если видел, что этот курс начинает уродливо изгибаться в сторону, противоречащую его совести, если сталкивался с глупостью, абсурдом, жестокостью системы, то протестовал против них и не стеснялся об этом говорить.

В последние годы жизни он высказывал во время встреч со мной подобные протесты довольно часто, уже в адрес системы нынешней. Я никогда не пытался с ним спорить, тем более, что хорошо знал причину таких протестов. Он ничего не видел, не выходил из дома, не смотрел телевизор, не пользовался интернетом, не читал газет и журналов. Главным источником информации о том, что творится в мире, для него был радиоприёмник, который принимал одну-единственную московскую волну, на которой выступали многие оппозиционно настроенные писатели. От других приёмников дед отказывался — они были ему неудобны, а в этом движении его пальцев всё было привычно и знакомо. Он проводил наедине с ним часы, дни...

Безграничность таланта

Человек талантливый талантлив во всех областях. Эта затёртая до неприличия фейхтвангеровская аксиома давно уже перестала быть удачной цитатой. Пусть так, но на примере деда я неоднократно убеждался в том, что аксиома эта работает.

Помню, дело было на исходе первого десятка нулевых, примерно лет семь назад. У него тогда ещё сохранялась микроскопическая доля процента зрения в одном глазу. Дед даже готовился к операции, надеясь хоть чуть-чуть расширить этот угасающий канал связи с внешним миром. Он даже выходил из дома, бывал иногда на людях, посещал редакции газет и журналов. Хотя почти... почти ничего не видел.

Я заглянул к нему просто так, без повода. Это был один из обычных моих нечастых визитов. Слово за слово (больше с его стороны, потому как я обычно не рассказывал, а слушал) разговор зашёл о шахматах, и он вдруг предложил мне сыграть партию. Я неловко заёрзал на стуле. Ну, не хорошо обыгрывать деда, который на девятом десятке, который и не видит-то почти ничего. Впрочем, поддаться так, чтобы выглядело это достаточно правдоподобно, будет, наверное, не сложно...

Каково же было моё удивление, когда с первых ходов я понял, что, если кому и играть в поддавки в этой партии, то точно не мне. Он погонял моего короля по доске и очень быстро загнал в мат.

Я всегда дружил с шахматами. И никак не мог смириться с тем, что немощный и почти слепой дед, который и доску-то еле видит, который то и дело путает ферзя с королём, так легко одержал надо мной верх. Такое невозможно! Здесь явно какая-то ошибка! Просто недоразумение.

«Давай-ка, теперь я белыми!» — предложил я. Но мнимое преимущество первого хода мне не помогло. Сценарий избиения младенца повторился почти один в один. Желание играть с дедом в третий раз в тот день у меня не возникло. Зато я узнал от него об этом его таланте, который столько лет оставался для меня скрытым. Оказывается, дед всегда был хорошим шахматистом. Имея официально подтверждённый первый разряд, он по факту играл на порядок выше. А однажды даже обыграл Анатолия Карпова. Это было давно, во время сеанса одновременной игры, который давал в Уфе гроссмейстер. Но всё-таки Карпов — шахматная величина мирового масштаба. К тому же дед во время того сеанса оказался единственным уфимским шахматистом, сумевшим одолеть чемпиона мира. Остальные проиграли.

Ещё он был хорошим актёром. В лучшем смысле этого слова. Я убеждён, что свои многочисленные шутки и афоризмы, которые как будто случайно, но всегда очень кстати, рождались у него в беседе с другими людьми, и особенно во время публичных выступлений, он на самом деле тщательно репетировал, помногу раз прокручивая на внутреннем «мониторе» сознания сценарий предстоящих лекций, вечера или деловой встречи. Недаром по молодости в послевоенное время он работал актёром и помощником режиссёра Башкирского академического театра драмы и одновременно учился в театральной студии. А позже, уже после окончания института, работая учителем в чекмагушевской школе, вёл драмкружок. Сам неплохо владея актёрским мастер-

ством, с радостью взялся обучать других. А ведь быть актёром — это, в общем-то, тоже талант, похвастать которым может не каждый.

Есть у него... прошу прощения, был и ещё один талант, который он тщательно скрывал от широкой общественности. Знали о нём только самые близкие люди, да и то не все. Он был поэтом. Весьма хорошим на самом деле, хотя с этой стороны он литературной публике совершенно не известен.

Я так думаю, что этот его талант довольно закономерен. Сложно быть хорошим литературоведом, не будучи при этом хоть немного литератором. Для того, чтобы разбирать по кирпичикам творчество других людей, надо и самому уметь творить не хуже. И он умел. Наверное, поэтому и собрал такой богатый урожай на нивах литературоведения и краеведения, на которых «пахал» больше полувека.

Почти двадцать лет он вёл в Башгосуниверситете поэтический кружок «Тропинка». Именно при нём «Тропинка», бывшая ранее безымянной, обрела это своё название, и её всё чаще стали называть не кружком, а литобъединением. Он руководил «Тропинкой» дольше, чем кто-либо за всю её историю, был самым известным, высококвалифицированным и в тоже время самым строгим и требовательным к студентам руководителем кружка. Зато люди, прошедшие под его началом этот «литературный ликбез», многого достигли в жизни. И если даже кто-то не стал настоящим поэтом, писателем, то стал как минимум очень хорошим журналистом или учёным и уж точно достойным человеком.

Отчего же он не выносил на суд общественности свои собственные стихи? Ведь написал он их, особенно в юности, немало. Не хотел, чтобы ученики обнаружили вдруг изъяны в слогe маэстро? Вряд ли. Скорее, поначалу дело было просто в природной скромности. Впоследствии же, изучив все закоулки хитроумного лабиринта, имя которому — литература, став требовательным даже к слогу классиков, он высоко поднял планку требований и по отношению к собственному творчеству. И считая, что до совершенства ему далеко, тщательно скрывал этот свой талант. Помню, когда речь заходила о каком-нибудь любящем повсюду выпячиваться современном прозаике или поэте, дед всегда приводил в пример Горького, который (хотя уж он-то точно имел на это право!) никогда не называл себя писателем, а скромно именовал род своих занятий: литератор. Вот эти горьковские скромность и требовательность к себе были присущи и деду. Да, наш край обрёл в его лице замечательного учёного и краеведа, но вместе с тем потерял очень достойного поэта.

К своему поэтическому творчеству он относился не только требовательно, но и скептически. Столкнувшись в молодости с первыми неудачами и считая, что не сможет достичь той вершины, которую сам же для себя и обозначил, чтобы дать самому себе моральное право назваться... нет-нет, не поэтом, а хотя бы литератором, он даже отчаивался и пытался полностью «завязать» со стихами. Вот как он сказал об этих своих терзаниях в 1956 году.

Не редко сочинял я стих,
Но не печатался в газетах,
Был скромн, молчалив и тих:
Слыл неудавшимся поэтом.

Шли месяцы, недели, дни —
Я время на стихи зря тратил;
Узнав, что не нужны они,
Сказал себе однажды: «Хватит»!

Но бацилла поэзии настолько глубоко поражает человеческий организм, что одолеть её одним только намерением или движением силы воли обычно мало у кого получается. Не получилось это и у деда. По крайней мере, в тот момент, в 1956 году. Потому что есть у него стихи, которые относятся к более позднему периоду.

Свои стихи он мало кому показывал. Он их бережно хранил, переписывая лучшие в толстую старую тетрадь с пожелтевшими страницами. Я и сам познакомился с содержимым этой тетради всего несколько лет назад. Почти все стихи, собранные в ней, написаны на очень достойном уровне. Многие из них глубоко личные... К сожалению, у меня нет морального права публиковать их. Всё-таки такова его воля, и я не хочу нарушать её даже после его смерти. Но, кроме приведённых выше двух строф, есть у него одно стихотворение, за которое он на меня точно не обидится. Во-первых, печатать его разрешила Вера Михайловна, во-вторых, именно это стихотворение дед сам просил сохранить и донести до людей, когда его не станет.

Эти строки он написал в далёкой молодости, когда ещё не был тем, кем впоследствии стал. Возможно, это не самый лучший образец из его тетрадки стихов. Возможно, его же ученики, к которым он когда-то был чрезмерно строг, найдут сегодня какие-то изъяны в его собственных строках. Но зато это стихотворение искреннее, а кроме того, в нём дед открывается по-новому, а точнее — по-старому, не таким, каким его все привыкли видеть. Это не тот выдающийся учёный с благородной сединой, который днём и ночью корпел над книгами, получал высокие премии и суровым взглядом усмирял студентов, входя в аудиторию. Это не тот ссутулившийся и полуслепой старик, который, еле удерживая в дрожащих пальцах фигуры, с лёгкостью выигрывал у меня в шахматы. Это статный молодой человек с пытливым умом, горящими глазами и открытым для всего мира сердцем. И хотя он молод, но уже многое испытал в жизни: остался без отца, ребёнком встал к станку, голодал, потерял на заводе зрение. Он ещё не знает, что его ждёт впереди, не знает, кем он станет и какие дела совершит. Не думает, что те строки, которые он сейчас трепетно выводит из глубин души на клочок бумаги, когда-нибудь прочтает хоть кто-то кроме него. И вот он просто, но искренне, с гигантской верой в светлое будущее, своё собственное и всей страны, самому себе говорит о том, как он рос, кем был, чем жил в детстве и в юности. Послушаем же его.

Жизненный путь

В году родившись двадцать пятом,
Он в детстве беззаботно рос.
Внушал доверие ребятам
Уже тогда немалый рост.
Он не был трус, но и не дрался.
Играл в лапту, за бабки брался,
На речке летом загорал,

В чижа и в прятки он играл,
За колесом в пыли носился,
И в крепость он играл зимой,
Весь мокрый прибежал домой
И тут же вновь гулять просился.
И, словом, жил, как детвора
Любого, каждого двора.

Так проходили дни, недели,
И подрастала детвора...
Лишь семь минуло еле-еле,
Глядишь, и в школу уж пора.
За партией в классе он впервые
Выводит букочки кривые,
С трудом читает по слогам,
Букварь листовая, как роман,
Домой приходит чинно-важно:
Он рад от всей своей души,
Что все отметки хороши;
Успешно год кончает каждый,
И им довольны все вокруг,
Для всех товарищ он и друг.

Один в ночи лежит бессонно:
Роман читает толстый он
О приключениях Робинзона,
Мечтая быть, как Робинзон.

Футбол гоняет, бьёт баклуши;
То ловит мух, жуков, лягушек,
То загорает на песке,
Или купается в реке...
Летит на таратайке птицей
Он по ухабистой горе,
А нет — с друзьями во дворе
В войну и в крепость станет биться.
Подумать только: как не лень
Им так резвиться целый день?!

Проходит год, другой и третий,
Проходит восемь лет подряд.
И наш «герой» за годы эти
Учился лучше всех ребят.
...Но вот в шестнадцать лет от роду
Шагает он уж по заводу...
Шёл сорок первый грозный год,
Когда пошёл он на завод.
Он плакал, школу покидая,
Но понимал, что шла война...
Чтоб победить врагов сполна,
Трудился, рук не покладая.
Унылый заводской гудок
Стал так же дорог, как звонок.

Войны суровые години
Оставили печальный след:
Лицо украсили морщины,
Состарив ровно в двадцать лет...
Но громы пушек отгремели:
Врагов всех победить сумели!
Год сорок пятый, месяц май
Проносится из края в край.
Победа! Радостные лица,
Салют, фанфары, громкий смех.
Победа! Значит, всем не грех
Смеяться, петь и веселиться.
Конец мучительной войне,
А память — в ранней седине...

*Мурат РАХИМКУЛОВ.
1 августа 1954 года.*